

БОРЬБА ЗА НАСЛЕДИЕ БЕЛИНСКОГО

Статья И. Сергиевского

В условиях классово-антагонистического общества наследие каждого большого писателя рано или поздно неминуемо становится объектом борьбы, в которой, как в некотором фокусе, отражаются противоречия различных социальных сил, действующих на исторической арене. Борьба, развернувшаяся вокруг наследия Белинского буквально на следующий день после его смерти и длившаяся на протяжении едва ли не целого столетия, была особенно напряженной и острой.

Реакционеры-крепостники очень рано разобрались в том, какого серьезного и опасного противника имеют они в лице Белинского. Полицейско-чиновничья расправа над юным автором «Дмитрия Калинина» была лишь прологом к тем постоянным и многообразным преследованиям со стороны царских властей, которым всю жизнь подвергался великий критик-демократ. Судьба, правда, берегла его от прямых жандармских репрессий, выпавших на долю великого продолжателя его дела — Чернышевского, многие годы заживо погребенного на каторге и в ссылке. Но непрочность своего гражданского существования Белинский ощущал вседневно и всечасно; дамоклов меч николаевского «правосудия» все время угрожающе висел над ним, каждую минуту готовый опуститься. Вошедший в сознательную жизнь под грубые окрики университетского начальства, он уходил из жизни, сопровождаемый злорадным хихиканьем коменданта Петропавловской крепости Скобелева: «Когда же к нам? У меня совсем готов тепленький каземат, так для вас его и берегу»¹.

Известно, каким ожесточенным нападкам всю жизнь подвергался Белинский со стороны литературной реакции, как широк был фронт его врагов и какое завидное единомыслие проявляли бывшие противники в своих яростных атаках против него. Перед лицом общей опасности все прежние распри были преданы забвению. Единым блоком выступали: с одной стороны шпион III Отделения собственной его величества канцелярии Булгарин и его литературный приказчик, беспринципный делец Греч, с другой стороны — «тишайший», благороднейший Плетнев и Вяземский — этот, — по словам Белинского, — «князь в аристократии и холоп в литературе». Не случайно, говоря о «прихлебателях и приживальщиках крепостников-помещиков, попах, подьячих, чиновниках из гоголевских типов», которым «было „трудно“ расстаться с крепостным правом», Ленин поставил в один ряд с ними «интеллигентов», ненавидящих Белинского»². Отношение к Белинскому было, действительно, своего рода лакмусовой бумажкой, безошибочно определявшей истинное лицо различных «деятелей» дворянской культуры того времени.

После смерти Белинского самое имя его на долгие годы стало запретным, а за чтение его письма к Гоголю, хотя бы в интимном дружеском кругу, люди подвергались суровым карам, как за тягчайшее политическое преступление.

Но ни прямые жандармские и цензурные запреты, ни последовательная травля Белинского со стороны литературной реакции не принесли, од-

нако, ожидаемых плодов. Если при жизни Белинского крепостникам не удалось нейтрализовать, ни даже ослабить его огромное влияние на передовые слои современного русского общества, прежде всего — на молодежь, то еще менее успешными оказались их попытки после смерти Белинского вытравить память о нем из русского общественного сознания. Иван Аксаков, славянофил, т. е. представитель враждебного Белинскому стана, был вынужден признать в 1856 г.: «Много я ездил по России; имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, который бы не знал наизусть письма Белинского к Гоголю; в отдаленных краях России только теперь еще проникает это влияние и увеличивает число прозелитов... „Мы обязаны Белинскому своим спасением“, — говорят мне везде молодые, честные люди в провинциях... И если вам нужно честного человека, способного сострадать болезням и несчастьям угнетенных... ищите таких между последователями Белинского».³

Яростные атаки против наследия Белинского со стороны политической и литературной реакции не прекращались на протяжении всего столетия. Достаточно вспомнить проклятия, которые посылал ему Достоевский в «Дневнике писателя». Но в нейтрализации влияния Белинского были заинтересованы не одни только крепостники. Революционно-демократическая сущность его мировоззрения, не менее, чем для его явных противников, была чужда и неприемлема для его либеральных «друзей» и «учеников», разделявших с Белинским его вражду к царскому деспотизму и крепостническому гнету, но без всякого сочувствия относившихся к его пропаганде революционного насилия как средства преобразования действительности. До поры до времени дальше простой настороженности дело, правда, не шло. В глазах либеральных «друзей» Белинского из либерально-западнического лагеря его революционно-демократические «излишества» представлялись чем-то хотя и опасным, но извиняемым в свете объединявшей их общей борьбы против самодержавия и крепостного права.

Положение резко изменилось позднее, когда выпавшее из рук Белинского знамя освободительной борьбы было подхвачено и высоко поднято великим продолжателем его дела — Чернышевским, развившим и углубившим, в новых исторических условиях, революционно-демократические начала его мировоззрения. Именно в эту пору — в пору генерального размежевания двух исторических тенденций в жизни русского общества: либеральной и революционно-демократической — завязываются основные узлы борьбы вокруг имени Белинского.

Опыт, на который могли к тому времени опереться либералы, достаточно наглядно свидетельствовал о том, что лобовые атаки против наследия Белинского неминуемо обречены на неудачу, даже если они подкреплены всеми административными возможностями полицейского государства. Семена, посеянные Белинским, дали слишком густые и обильные всходы, чтобы можно было так просто заглушить их. Да кроме того, такие лобовые атаки слишком уж явно компрометировали самих атакующих; либералы же на то и были либералами, чтобы отступать не иначе, как под дымовой завесой звонких речей и красивых фраз. Это либеральное лицемерие неоднократно давало о себе знать и позднее: когда в конце века доморощенный кантиадец Волынский выступил с циклом статей, имевших своей целью именно «развенчание» Белинского, по этому поводу в либеральной печати было произнесено немало патетических заклятий и пролито немало крокодиловых слез; то же самое повторилось еще раз, в связи с айхенвальдовским пасквилем. Ведь когда появились «Вехи», кадеты тоже весьма шумно заявляли о своем несогласии с авторами этой позорной книги.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ
Рисунок И. А. Астафьева, 1881 г.
Третьяковская галерея, Москва

Гораздо более эффективным представлялся другой путь — путь фальсификации, подлога, который и избрали либералы. Плеханов выражал в свое время удивление, «почему большинство людей, писавших свои воспоминания» о Белинском, «обнаруживают так мало истинного понимания совершавшейся в его голове колоссальной умственной работы»⁴. Но это недопонимание было преднамеренным, представляло собою определенный тактический маневр. Если невозможно было, без политического ущерба для себя, встать на путь открытой борьбы с Белинским, надо было «обезвредить» его другим способом: политически выхолостить его наследие, вытравить из него его революционно-демократическое содержание, показать, что в нем не было, якобы, ничего, противоречащего политическим установкам русского либерализма, как сложились они ко времени «крестьянской реформы» 1861 г., и что, рисуя образ Белинского иным, Чернышевский и Добролюбов приписывали ему, по сути дела, свои собственные взгляды и настроения.

Если мы обратимся к мемуарам, статьям и отдельным суждениям о Белинском, высказанным в эти и последующие годы Анненковым, Боткиным, Дружининым, Кавелиным, Тургеневым, мы увидим, что все они, с той или иной степенью прямолинейности, были направлены к осуществлению именно этой задачи.

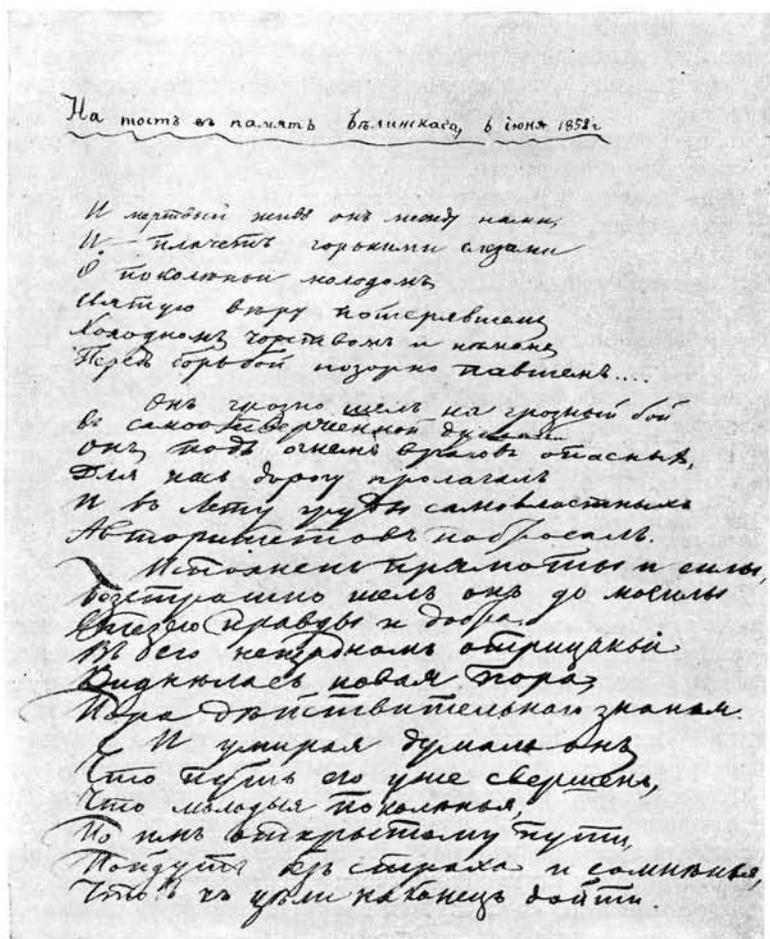
«„Московские ведомости“ всегда доказывали, что русская демократия, начиная хотя бы с Белинского, отнюдь не выражает интересов самых широких масс населения в борьбе за элементарнейшие права народа, нарушаемые крепостническими учреждениями, а выражает только „интеллигентское настроение“», — писал Ленин, характеризуя работу этих фальсификаторов наследия великого демократа⁵.

Едва ли не откровеннее всех других действовал в данном направлении Анненков (под флагом защиты Белинского от наветов его врагов справа), решительно и безапелляционно заявляя, что ни одно из увлечений Белинского, «ни один из его приговоров, ни в печати, ни в устной беседе, не дают права узнавать в нем, как того сильно хотели его ненавистники, любителя страшных социальных переворотов, свирепого мечтателя, питающегося надеждами на крушение общества, в котором живет», что «никогда и мысленно не принимал он защиты тех разрушительных явлений, которые проходят иногда через историю и действуют в ней со слепотой стихийных сил, не имея под собой часто никаких моральных основ», что «у Белинского не было первых, элементарных качеств революционера и агитатора, каким хотели его прославить»⁶.

Такая откровенность была, однако, исключением. Чаще либеральные фальсификаторы наследия Белинского проявляли значительно большую гибкость, сторонясь сколько-нибудь категорических формулировок, хитря и маневрируя. Очень типичны в этом отношении выступления Кавелина, — «одного из отвратительнейших типов либерального хамства», по определению Ленина. Основной тон всех его выступлений о Белинском — более чем панегирический; но между обильными и многословными рассуждениями о нравственных достоинствах Белинского, об огромной роли, якобы сыгранной Белинским в его, Кавелина, жизни, в его воспоминаниях умело, как будто бы мимоходом рассыпаны замечания о «мелких» слабостях и недостатках Белинского, о его «чудовищных преувеличениях», о том, что «он в своих суждениях часто бывал неправ, увлекаясь страстью далеко за пределы истины», что «сведения его... были не очень-то густы», что «Белинский часто поступал как ребенок, как ребенок капризничал, малодушествовал и увлекался»⁷. В результате всех этих оговорок и увертываний достигалась та же цель, к которой Анненков шел напролом: читателю внушалась мысль о том, что благороднейший человек и тончайший ценитель поэтических красот Белинский, как политический деятель, не

выдерживал, собственно говоря, никакой критики. Примечательно, что полное единомыслие с дворянскими либералами проявил позднее в этом вопросе народник Михайловский.

С теми же намерениями либералы всячески подчеркивали высокий строй эстетического мышления Белинского, проникновенность и непогрешимость его эстетического вкуса и чутья. Эти высокие оценки сами по себе ни в какой мере не являлись преувеличенными или чрезмерными; но в писаниях

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА «НА ТОСТ
 В ПАМЯТЬ БЕЛИНСКОГО, 6 ИЮНЯ 1858 Г.»

Лист первый

Институт литературы АН СССР, Ленинград

либералов они несли ту же самую функцию: показать, что именно непогрешимостью эстетического вкуса и чутья, собственно говоря, и примечателен Белинский; что же касается вопросов философского или общественно-политического порядка, то эти вопросы были для него посторонними и интерес к ним со стороны великого критика — преходящим. Такая тенденция заметно проступает в воспоминаниях Тургенева о Белинском, полемическая направленность которых против Чернышевского и Добролюбова была разгадана уже современниками. «Его политические, социальные убежде-

ния были очень сильны и определенно резки; но они оставались в сфере инстинктивных симпатий и антипатий, — писал здесь Тургенев. — Повторяю: Белинский знал, что нечего было думать применять их, проводить их в действительность; да если бы оно и стало возможным — в нем самом не было ни достаточной подготовки, ни даже потребного на то темперамента; он и это знал — и, с свойственным ему практическим пониманием своей роли, сам ограничил круг своей деятельности, сжал ее в известные пределы⁸. Позднее Тургенев счел, правда, нужным критически пересмотреть эти строки своих воспоминаний; но когда они писались, назначение их было совершенно определенным.

В тех же либеральных кругах была выращена легенда о полной, якобы, идейной зависимости Белинского от философско-эстетической мысли Запада, о его мнимом космополитизме, — легенда, пустившая чрезвычайно прочные корни и в позднейшей буржуазной публицистике, и в академической историко-литературной науке. Известно, что во власти этой легенды в большой мере оказался даже такой выдающийся представитель русской марксистской мысли, как Плеханов.

Грубо искажали либералы реальное положение вещей, отождествляя воззрения Белинского на пути исторического развития России со своими собственными взглядами по этому вопросу. Несомненно, Белинскому ясна была вздорность реакционных иллюзий славянофилов, полагавших, что Россия сможет миновать тот путь капиталистического развития, на который вступили другие европейские страны, — в этом смысле у него были, конечно, известные точки соприкосновения с западниками. Но ему была решительно чужда присущая западникам идеализация буржуазных порядков. Путь к обновлению русской жизни он видел в развертывании революционной борьбы эксплуатируемых против эксплуататоров.

Против этих и других либеральных искажений истинного исторического облика Белинского последовательно боролись революционные демократы. Борьба эта не в малой степени осложнялась тем обстоятельством, что, по условиям времени, они очень часто лишены были возможности называть вещи своими именами. Поэтому показать колоссальную фигуру Белинского во весь ее рост ни Чернышевский, ни Добролюбов не могли: в этом была не их вина, а вина времени — «проклятой поры эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества»⁹. Но еще Ленин отмечал гениальную способность революционных демократов в обстановке жесточайшего цензурного гнета воспитывать своими статьями настоящих революционеров. Не называя подчас самого имени Белинского, прибегая по необходимости к языку намеков и иносказаний, они чрезвычайно много сделали для раскрытия истинного облика Белинского — идейного воспитателя передового русского общества, его идейного вождя в борьбе против самодержавия и крепостничества.

Чернышевский, оценивая Белинского как «значительнейшего из всех наших критиков», говорил, что вместе с тем он «был и одним из замечательнейших наших ученых»¹⁰. Это утверждение звучало не только как простая констатация интеллектуальной одаренности и зрелости великого революционного мыслителя. Оно содержало в себе также указание на то обстоятельство, что деятельность Белинского далеко выходила за рамки собственно-литературной проблематики. Добролюбов, шедший, как и Чернышевский, по путям, проложенным Белинским, такими словами характеризовал значение произведений своего учителя для идейного формирования молодежи того революционно-демократического круга, к которому принадлежал: «Читая его, мы забывали мелочность и пошлость всего окружающего, мы мечтали об иных людях, об иной деятельности и искренно надеялись встретить когда-нибудь таких людей и востор-

женно обещали посвятить себя самих такой деятельности»¹¹. Совершенно ясно, какие именно «иные люди» и «иная деятельность» имелись здесь в виду.

В стихотворении «На тост в память Белинского, 6 июня 1858 г.» Добролюбов писал:

... Он грозно шел на грозный бой
С самоотверженной душой
Он, под огнем врагов опасных,
Для нас дорогу пролагал
И в Лету груды самовластных
Авторитетов побросал.
.....
И умирая думал он,
Что путь его уже свершен,
Что молодые поколения,
По им открытому пути
Пойдут без страха и сомненья,
Чтоб к цели наконец дойти.

Известны проникновенные строки, посвященные Белинскому Некрасовым:

В те дни, как все коснело на Руси,
Дремля и раболепствуя поворно,
Твой ум кипел — и новые стези
Прокладывал, работая упорно.
.....
Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе.

А в одном из первоначальных набросков, лишь недавно найденном и появившемся в печати, Некрасов писал о Белинском:

... Мыслью новой
Стремленьем к истине суровой
Дышал горячий труд его,
Он полагал в него всю душу.
Он говорил: «Я все разрушу
И не оставлю ничего»¹².

Эти строки, как и предыдущие, знаменательны не только как простая поэтическая похвала Белинскому (на похвалы ему не скупились и либералы, с тем, чтобы прикрыть ими объективное искажение его наследия), знаменательно качественное содержание некрасовской оценки Белинского, знаменательно то, какие черты деятельности Белинского выдвигает на первый план великий поэт революционной демократии, в чем прежде всего видит он заслуги Белинского перед родиной.

Салтыков-Щедрин, характеризуя идейное могущество произведений Белинского, исключительность их роли в деле развития русской демократической мысли и освободительной борьбы, с глубоким лиризмом вспоминал то время, когда «с иной, более обширной кафедры лилось к нам полное страсти слово Белинского, волнуя и утешая нас, и наполняя сердца наши скорбью и негодованием, и вместе с тем указывая цель для наших стремлений»¹³. Герцен, со своей стороны, писал: «Белинский много сделал для пропаганды. Вся учащаяся молодежь

питалась его статьями: он образовал эстетический вкус публики, придал русской мысли силу».

Анализируя литературно-эстетические воззрения Белинского, революционные демократы подчеркивали, что он «не признавал „чистого искусства“ и поставлял обязанностью искусства служение интересам жизни», что «критика Белинского все более и более проникалась живыми интересами нашей жизни, все лучше и лучше постигала явления этой жизни, все решительнее и решительнее стремилась к тому, чтобы объяснить публике значение литературы для жизни, а литературе — те отношения, в которых она должна стоять к жизни, как одна из главных сил, управляющих ее развитием»¹⁴.

Против попыток принизить черты национального своеобразия и самобытности в наследии Белинского протестовал еще Герцен. Он не только создал великолепный образ Белинского-трибуна, одинокой вершиной возвышающийся в мемуарной литературе о великом критике, но и осветил историческую роль Белинского, как передового революционного мыслителя, показавшего, что немецкая идеалистическая философия «была реалистична только на словах, а в основе оставалась религией земной, религией без неба, логическим монастырем, в который укрываются, чтобы погружаться в мир отвлеченностей»¹⁵.

Чернышевский говорил о Белинском, что в его лице «русский ум показал свою способность быть участником в развитии общечеловеческой науки», что деятели его типа «конечно, ободрялись тем, что согласие с ними всех современных мыслителей Европы подтверждало справедливость их понятий; но эти люди уже не зависели ни от каких посторонних авторитетов в своих понятиях... Тут в первый раз умственная жизнь нашего отечества произвела людей, которые шли наряду с мыслителями Европы, а не в свите их учеников, как бывало прежде... С того времени, как представители нашего умственного движения самостоятельно подвергли критике гегелеву систему, оно уже не подчинялось никакому чужому авторитету. Белинский и главнейшие из его сподвижников стали людьми вполне самостоятельными в умственном отношении»¹⁶.

В своем докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» товарищ Жданов указывал, что «лучшая традиция советской литературы является продолжением лучших традиций русской литературы XIX века, традиций, созданных нашими великими революционными демократами — Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Салтыковым-Щедриным, продолженных Плехановым и научно разработанных и обоснованных Лениным и Сталиным»¹⁷. Руководясь этими указаниями, мы можем наметить основные вехи борьбы за наследие Белинского, которую вели представители передовой русской мысли против всех попыток его обеднения и фальсификации.

Плеханов справедливо отмечал, что, «при всем своем энтузиазме в отношении к Белинскому, Чернышевский, Добролюбов и их единомышленники не были в состоянии оценить во всей ее полноте роль Белинского в истории нашей общественной мысли», поскольку «им мешала в этом случае отсталость современных им общественных отношений России»¹⁸. Сам он допустил, однако, в своих многочисленных и во многом ценных работах о Белинском ряд существенных ошибок, восходящих к его общим философским и политическим ошибкам и достаточно полно разъясненным в настоящее время¹⁹.

Несомненно, заслугой Плеханова является дальнейшее развитие тезиса революционных демократов о Белинском, как выдающемся революционном мыслителе. Развивая этот тезис, противостоящий попыткам либералов свести все историческое значение Белинского к его моральному обаянию, с одной стороны, к зоркости и проникновенности его эстетических оценок — с другой, Плеханов отмечал, что «живой и сильный ум Белин-

Въ Пятницу, 26-го Ноября 1909 года

въ залѣ „des Sociétés Savantes“

8, Rue Danton, 8

Н. ЛЕНИНЪ

прочтеть рефератъ на тему:

„Идеологія контръ - революціоннаго либерализма“.

(Успѣхъ „Вѣхъ“ и его общественное значеніе)

СОДЕРЖАНІЕ :

- I. Съ какой философией воюють „Вѣхи“ и думскія рѣчи кадета Караулова.
- II. Бѣлинскій и Чернышевскій, уничтоженные „Вѣхами“.
- III. За что ненавидятъ либералы „интеллигентскую“ русскую революцію и ея французскій „достаточно продолжительный“ образчикъ?
- IV. „Вѣхи“ и „львы“ въ Россіи. Кадеты и октябристы. „Святое дѣло“ русской буржуазіи.
- V. Что выиграла демократическая революція въ Россіи, потерявъ своихъ либерально-буржуазныхъ „союзниковъ“?
- VI. „Вѣхи“ и рѣчи Милюкова на предвыборныхъ собраніяхъ въ Петербургѣ. Какъ критиковалъ Милюковъ на этихъ собраніяхъ нелегальную революціонную газету.

Начало въ 8¹/₂ час. веч.

Плата за входъ 5, 3, 2 и 1 фр. галлерей 50 сантим.

Рабочая Типографія. 17, Rue des Fr-Bourgeois Paris.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О РЕФЕРАТЕ В. И. ЛЕНИНА НА ТЕМУ «ИДЕОЛОГИЯ КОНТР-РЕВОЛЮЦИОННОГО ЛИБЕРАЛИЗМА (УСПЕХЪ «ВЕХЪ» И ЕГО ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ)», ПРОЧИТАННОМЪ 26 НОЯБРЯ 1909 Г. ВЪ ПАРИЖЕ

Разделъ второй реферата озаглавленъ «Бѣлинскій и Чернышевскій, уничтоженные «Вѣхами»
Институтъ Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б), Москва

ского стремился проложить новые „стеzi“ не только в литературной критике. Его упорная работа была направлена также и на социально-политическую область. И его попытка найти новый путь в этой области заслуживает даже большего внимания, чем сделанное им собственно в литературе». «Белинский был не только в высшей степени благородным человеком, великим критиком художественных произведений и в высшей степени чутким публицистом, — писал он, — но также обнаружил изумительную проницательность в постановке, — если не в решении, — самых глубоких и самых важных вопросов нашего общественного развития... До сих пор каждый новый шаг вперед, делаемый нашей общественной мыслью, является новым вкладом для решения тех основных вопросов общественного развития, наличие которых открыл Белинский, чутьем гениального социолога, но которые не могли быть решены им вследствие крайней отсталости современной ему российской „действительности“»²⁰.

Однако не Плеханову, допустившему в своих работах о Белинском ряд серьезных ошибок, дано было в полном объеме раскрыть значение Белинского для революционной борьбы русского пролетариата, а во многом, как мы уже отмечали, он серьезно отклонился от пути, ведущего к правильному разрешению этой проблемы. Разрешена она была в трудах Ленина и шедших за ним литераторов-большевиков. Причем — разрешена в новых исторических условиях, когда стал свершившимся фактом «п о л н е й ш и й р а з р ы в русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями»²¹, и когда от методов либеральной фальсификации наследия Белинского либералы обратились к методу прямой его дискредитации.

Насколько существенной представлялась Ленину эта сторона дела для разоблачения контрреволюционной сущности либерализма и насколько важным считал он дать отпор этим действиям либералов, видно из того, что в публичном реферате о «Вехах», прочитанном в Париже 26 ноября 1909 г., один из разделов был озаглавлен: «Белинский и Чернышевский, уничтоженные „Вехами“»²².

Заканчивая свою статью «Памяти Герцена», Ленин писал: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями „Народной воли“. Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. „Молодые штурманы будущей бури“ — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря. Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян»²³.

Ленин не упоминает здесь имени Белинского. Но в другом месте он совершенно четко определяет место Белинского в истории освободительной борьбы русского народа против царизма и угнетения, указывая, что Белинский «еще при крепостном праве» явился «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении»²⁴.

К этой ленинской оценке Белинского приближается критик-большевик Воровский в статье, написанной в связи с 100-летием со дня рождения великого демократа. «Как по происхождению своему, так, особенно, по своим взглядам и привязанностям Белинский был костью от кости и плотью от плоти низов русского общества, — писал в этой статье Воровский. — Жить и действовать Белинскому привелось в такие времена, когда образование, знания, возможность работать на общественном поприще составляли исклю-

чительное достояние... дворянского сословия... И вот в этой-то жестокой обстановке Белинский умел сделаться одной из замечательнейших личностей России XIX века, оставаясь и по положению своему и по мировоззрению разночинцем»²⁵.

Правда, характеристика Белинского, развертываемая Воровским, содержит ряд неточностей. Хотя он и говорит, что Белинский был разночинцем «и по положению своему и по мировоззрению», однако преимущественное внимание уделяет фактам биографии Белинского, как «интеллигентского пролетария». Ленин, называя Белинского «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении», разумел, конечно, не только особенности его социального бытия, отличавшие его от других передовых людей его поколения, но и, прежде всего, — его философские и общественно-политические позиции, общее направление его деятельности. «...Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией, — указывал Ленин. — А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература»²⁶. В глазах Ленина Белинский был одним из тех лучших представителей передовой русской мысли прошлого, которая, «под гнетом невиданного, дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории...»²⁷.

Далее, Воровский допускает, конечно, некоторую модернизацию идейного облика великого демократа, утверждая, что «пролетарий Белинский во многом думал так, как думают теперь миллионы пролетариев в разных концах мира», говоря о «пролетарской душе Белинского», о том, что «его критика современного ему общества исходила из чисто пролетарской позиции»²⁸.

Классовую природу революционно-демократического мировоззрения Белинского точнее и глубже определил опять-таки Ленин. Характеризуя письмо Белинского к Гоголю, как «итог литературной деятельности» великого революционного мыслителя, он называл этот документ «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору»²⁹.

В другом месте, разоблачая попытки кадетских публицистов из сборника «Вехи» «развенчать» Белинского, Ленин писал:

«Письмо Белинского к Гоголю, вещают „Вехи“, есть „пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения“... „История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разумения — сплошной кошмар...“

Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть „интеллигентское“ настроение. История протеста и борьбы самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевидно, „сплошной кошмар“. Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостничества гнета?»³⁰.

Итак, «настроение крепостных крестьян против крепостного права», — вот какова была социальная основа общественного мировоззрения Белинского и его борьбы против царского деспотизма и помещичьей кабалы.

Большевиками же была до конца опровергнута пущенная в оборот либеральными фальсификаторами наследия Белинского легенда об его идейной несамостоятельности, о том, что на протяжении всей жизни он якобы

только тем и занимался, что «осваивал» те или иные заимствованные с Запада философские и политические системы, с легкостью преуспевающего ученика переходя из шеллингианского «класса» в фихтеанский, из фихтеанского — в гегелианский и т. д.

Великий трибун пролетарской революции С. М. Киров, выступая в те же дни столетнего юбилея со дня рождения Белинского, назвал Белинского «Моисеем русской общественной мысли, который вывел ее из темных лабиринтов голый абстракции на торную дорожку реализма». «В течение своей короткой жизни он прошел все тернии от бесплодной метафизики к научному мирозерцанию. Он поднял тот яркий светильник научного мирозерцания, который освещает путь нашему поколению».

Отмечая, что западноевропейские источники сыграли свою роль в идейном формировании Белинского и что одним из таких источников была немецкая идеалистическая философия, С. М. Киров говорит далее: «Но не немецкой философии, конечно, суждено было успокоить „неистового Виссарiona“... И если Фихте подсказал Белинскому отбросить окружающую его действительность, как призрак, противоречащий идеалу, а Гегель преподавал свою сугубую абстракцию „все действительное разумно, и все разумное действительно“ и заставил Белинского примириться с безотрадней русской реальностью, — то в том и другом случае успокоение было только временным, служило переходной ступенью от одного мирозерцания к другому. Белинский вскоре почувствовал, что признать, вслед за Гегелем, Пруссию „совершенным государством“, значит отрицать процесс всякого развития, оказаться философским банкротом...». «Действительность, провозглашенная зрелым Белинским „лозунгом и последним словом современного мира“, — это не „пошлая действительность“ фихтеанства и не гегелевская „разумная действительность“: действительность Белинского „покоится на идее социальности“»³¹.

Всемирно-историческая победа, одержанная трудящимися нашей страны над эксплуататорами в октябре 1917 г., подвела итог длившейся почти столетие борьбе вокруг имени Белинского. Правда, со стороны отдельных враждебных коммунистическому мировоззрению литературных школ и групп и позднее предпринимались еще попытки дискредитировать наследие Белинского или изолировать его от советской культуры, объявив великого демократа идейным рабом дворянско-помещичьей, барской культуры. Теперь и эти попытки до конца разоблачены и разгромлены. Победивший в Великой социалистической революции советский народ, законный и полноправный преемник всего лучшего, что было создано человечеством в период его «предъистории», помнит и чтит Белинского как пламенного патриота великой Родины, как страстного и непримиримого борца против самодержавия и крепостничества, как выдающегося революционного мыслителя и публициста, как основоположника научной эстетики в России, создателя той передовой критики, которая «всегда была поборницей реалистического, общественно направленного искусства»³².

С высокой трибуны партийного съезда прозвучали пророческие слова Белинского: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году — стоящую во главе образованного мира, дающею законы и науке и искусству и принимающею благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества»³³.

Полвека назад русские революционные марксисты говорили, что если бы Белинский был жив тогда, он «отдохнул бы, наконец, душою»³⁴, видя пробуждение пролетариата — могильщика всякой эксплуатации, наследника всех лучших достижений культуры прошлого. Мы — люди сталинской эпохи — можем сказать больше: если бы Белинский был жив сейчас, он не только «отдохнул бы, наконец, душою», но и увидел бы претворенными в жизнь все свои лучшие чаяния и помыслы.

В один из самых напряженных моментов Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков, когда гитлеровские полчища рвались к сердцу нашей Родины — Москве, великий вождь народов товарищ Сталин назвал имя Белинского в ряду имен тех лучших сынов России, которые составляют нашу величайшую славу и гордость, в деятельности которых с наибольшей полнотой воплотился творческий гений народа³⁵. Эта оценка достойно определяет значение Белинского для нашей эпохи, для нашей социалистической культуры, для нашей борьбы за коммунизм.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ А. Герцен, *Былое и думы*, М., 1947, стр. 223.
- ² В. Ленин, *Сочинения*. Изд. 3-е. Т. XXII, стр. 162.
- ³ «И. Аксаков в его письмах». Т. I, ч. III, 1892, стр. 290.
- ⁴ Г. Плеханов. *Собр. соч.* Т. XXIII, стр. 220.
- ⁵ В. Ленин. *Цит. изд.* Т. XIV, стр. 219.
- ⁶ П. Анненков. *Литературные воспоминания*. 1929, стр. 568.
- ⁷ К. Кавелин. *Собр. соч.* Т. III, стр. 1090 сл.
- ⁸ И. Тургенев. *Воспоминания о Белинском*. — *Цит. по сб. «Виссарион Григорьевич Белинский в воспоминаниях современников»*. 1928, стр. 223.
- ⁹ В. Ленин. *Цит. изд.* Т. VIII, стр. 386.
- ¹⁰ Н. Чернышевский. *Избр. соч.*, 1935, стр. 427.
- ¹¹ Н. Добролюбов. *Полн. собр. соч.* Т. II, 1935, стр. 470.
- ¹² К. Чуковский. *Несколько неизданных вариантов «Некрасова»*. — *Литературное наследство*. Т. 49—50. М. 1947, стр. 222.
- ¹³ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). *Полн. собр. соч.* Т. III. Л., 1934, стр. 210 («Сатиры в прозе»).
- ¹⁴ Н. Чернышевский. *Цит. изд.*, стр. 395.
- ¹⁵ А. Герцен. *Полн. собр. соч.* Т. VI, стр. 385.
- ¹⁶ Н. Чернышевский. *Цит. изд.*, стр. 393.
- ¹⁷ «Правда», 1946, 21 сентября.
- ¹⁸ Г. Плеханов. *Сочинения*. Т. XXIII, стр. 166.
- ¹⁹ См. в настоящем томе статью Б. Бурсова «Плеханов и Белинский».
- ²⁰ Г. Плеханов. *Цит. изд.* Т. X, стр. 332; XXIII, 166—167.
- ²¹ В. Ленин. *Цит. изд.*, Т. XIV, стр. 217.
- ²² Там же, стр. 531.
- ²³ В. Ленин. *Цит. изд.* Т. XV, стр. 468.
- ²⁴ В. Ленин. *Цит. изд.* Т. XVII, стр. 341.
- ²⁵ В. Воровский. *Литературно-критические статьи*, 1948, стр. 19.
- ²⁶ В. Ленин. *Цит. изд.* Т. IV, стр. 380—381.
- ²⁷ В. Ленин. *Цит. изд.* Т. XXV, стр. 175.
- ²⁸ В. Воровский. *Цит. изд.*, стр. 20, 21.
- ²⁹ В. Ленин. *Цит. изд.* Т. XVII, стр. 341.
- ³⁰ В. Ленин. *Цит. изд.* Т. XIV, стр. 219.
- ³¹ С. Киров. *Великий искатель*. — *Цит. по перепечатке: «Красная новь»*, 1939, № 10—11, стр. 145—147.
- ³² А. Жданов. *Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград»*. — «Правда», 1946, 12 сентября.
- ³³ XVIII Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевинов). — *Стенографический отчет*, 1939, стр. 137—138.
- ³⁴ Г. Плеханов. *Цит. изд.* Т. X, стр. 348.
- ³⁵ И. Сталин. *О Великой Отечественной войне Советского Союза*, изд. 5-е, 1946, стр. 28.